

фигур. Все человекообразные существа Игнатиевской пещеры исполнены в линейном стиле.

Знакомство с материалами обеих пещер оставляет впечатление о большом различии между ними. Сходство наблюдается в крупных размерах полостей, что напоминает некоторые главные декорированные святилища в Западной Европе. Вероятно, Каповая и Игнатиевская пещеры могли выполнять ту же роль в ледниковое время на Южном Урале. Определенная близость есть и в анималистических темах: основу репертуара составляют образы мамонтов и лошадей. Однако дополнительные к ним виды в Каповой пещере представлены носорогом и бизоном, тогда как в Игнатиевской носорогообразным существом, быком, составленным животным с туловищем верблюда и фантастическим мамонтообразным созданием. Цветовые схемы отличаются значительным количеством черных рисунков в Игнатиевской пещере при полном их отсутствии в Каповой. Антропоморфные персонажи украшенных залов также отличны: великолепный составленный зооантропоморф Каповой пещеры не находит аналогий в Игнатиевской, даже если считать составленной антропоморфную (человек-знак?) фигуру Большого зала последней. Знаки обеих полостей вообще не сопоставимы: в целом очень однородные четырехугольные формы Каповой не находят соответствий среди разнообразных геометрических начертаний Игнатиевской. Техностилистическая близость исчерпывается наличием в двух пещерах контурных, контурных с частичной тонировкой и тонированных силуэтных рисунков животных. Собственно же стилистика изображений разная: в Каповой почти нет «абсолютных» профильных воспроизведений, тогда как в Игнатиевской они преобладают. В последней образы множества животных как бы растянуты в горизонтальной плоскости, что не характерно для животных Каповой пещеры, где ощущается противоположная тенденция. Человекообразные существа Игнатиевской пещеры выполнены линейно анфас, в то время как в другой пещере составленный зооантропоморф нарисован профильно. Помимо прочего, изобразительный ансамбль Каповой пещеры выглядит очень гомогенно, чего нельзя сказать о декорациях Игнатиевской пещеры. В последней, к тому же, иначе, чем в Каповой пещере использованы настенные структуры для размещения изображений.

Что лежит в основе отмечаемых различий? Разные хронология, функции святилищ, или культурная специфика групп населения, использовавших эти пещеры? На этот вопрос пока нет определенного ответа: возможно, все эти факторы вместе определили их столь непохожий облик.

А. Ф. ШОРИН (Екатеринбург)

О ЧУДСКИХ БУГРАХ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ: СТРАТИГРАФИЯ И КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА

Среди археологических памятников Северной Евразии особое место занимают так называемые «жертвенные холмы» или «чудские бугры». Они известны еще с дореволюционного времени, но только на трех из них - Кошаровском в Верхнесалдинском, Махтыльском и Усть-Вагильском в Ивдельском районах Свердловской области проведены раскопки. Причем на двух последних рекогносцировочные. [1]

Выдвинуты три версии функционального назначения этих холмов, район распространения которых четко локализован в лесной зоне Зауралья и прилегающей к ней

территории севера Западной Сибири. Первая из них - это погребальные комплексы - не нашла подтверждений. Вторая - это жилые холмы. Они образованы в результате последовательного строительства на одном месте больших жилищ с основательной земляной обваловкой. Для подтверждения этой версии археологических данных также нет. Третья - это культовые места - святилища. На сегодняшний день такая трактовка чудских бугров выглядит предпочтительной.

Кокшаровский холм расположен на южном берегу заторфованного Юрьинского озера. Раскопки его возобновлены в 1995, 1997 гг. Ранее он неоднократно подвергался грабительским раскопкам "бугровщиков" и археологов-краеведов. В 50-е нач. 60-х гг. западная его половина исследована А.И.Рассадович, но материал не опубликован. Нетронутой, таким образом, осталась, видимо, только северная часть памятника площадью около 80-100 кв. м.

Общие же размеры этого искусственного насыпного сооружения составляют в диаметре до 40 м при высоте в южной пологой его части до 1 м и до 3,5 м в северной; у берегового уступа озера.

Анализ стратиграфии холма позволяет сделать вывод, что его насыпь формировалась в три приема, причем грунт брался прямо с Юрьинского поселения, на территории которого находится холм. Нижний насыпной слой, содержащий относительно малое количество находок, формировался, видимо, в самом начале (или до?) функционирования отмеченного поселения. Средний и верхний, содержащие огромное количество находок, прежде всего фрагментов посуды, насыпался в то время, когда жизнь на поселении протекала уже интенсивно.

Керамика Кокшаровского холма характеризует три археологические эпохи: неолит, энеолит, средневековье. Последний комплекс незначителен: чуть более 20 фрагментов керамики от сосудов батырского (V-VI вв.) и юдинского (X-XIII вв) типов. Их появление на холме, как и бронзовых ножен, находки которых отмечены в литературе, результат кратковременных остановок людей в эпоху средневековья, может быть для совершения каких-то ритуальных действий.

Энеолитический комплекс более значителен, представлен в раскопках 1995 г. фрагментами не менее, чем от 40 сосудов. Он тяготеет (табл.) к верхнему и среднему насыпному слоям холма. Керамика двух типов: близкая позднеосновостровской и близкая аятской, но с упрощенной печатно-ребенчатой орнаментацией, что характерно для аятской орнаментальной традиции тагильско-салдинского района Среднего Зауралья.

Основная масса фрагментов керамики на холме относится к эпохе неолита и представлена 4 типами: кошкинским, подуденским, кокшаровско-юрьинским и близким по форме боборыкинскому. Первые из двух типов хорошо описаны в литературе, потому их характеристика упускается. Два последних мало известны в литературе и нуждаются в краткой характеристике.

Основу керамических находок во всех слоях Кокшаровского холма составляют фрагменты сосудов кокшаровско-юрьинского типа. Он выделен из рамок козловского этапа (типа) В.А.Арефьевым, но результаты этого исследования не опубликованы. Хотя на отличия в рамках данного этапа керамики северных регионов Зауралья обращал еще ранее внимание О.Н.Бадер. [2] Посуда кокшаровско-юрьинского типа круглодонная. Только в одном случае отмечено уплощенное дно. Обязателен наплыв с внутренней стороны в верхней части сосудов, форма которого треугольная или овальная. Орнаментировалась вся внешняя поверхность

сосуда, включая дно, а нередко и срез горловины. Зональность узоров горизонтальная. Хотя нередко в каждой из зон, особенно в верхней части сосуда, отмечено стремление к разбивке узора на вертикальные подзоны обычно наклонными рядами наколов. Верх сосуда, как правило, украшался горизонтальными рядами наколов овальной и треугольной форм. Они, как и горизонтальные линии, выступают часто и в качестве разделителей зон. На тулове обычны фигуры в виде взаимопроникающих треугольных зон, выполненных чаще волнистыми наклонными линиями. Типичны также чередующиеся зоны узоров из разнонаклонных (в смежных зонах) волнистых линий, разделенных рядами горизонтальных линий. Основной узор на днищах - круг со вписанным прямым крестом. Сектора этого круга заполнены наклонными отрезками, нанесенными в смежных секторах с противоположным наклоном. Примерно у 6 % сосудов в верхней части присутствуют сформованные валики и воротнички, а у 3 % - слабоуглубленные широкие желобки, заполненные обычно наколами и прочерчиванием. Причем накольчатое отступление выполнено не только палочкой, но и двузубым штампом. Печатный и шагающий гребенчатый штамп почти не употреблялся. Только на посуде этого типа (сейчас их в холме чуть более 20) отмечены зооморфные нелепы.

Керамика, близкая по форме боборыкинской, немногочисленна. Сосуды двух видов: баночные и с ярко выраженной шейкой, которая нередко переходит в тулово через резкий отгиб. Большинство сосудов с внутренней стороны имеют низко опущенный подтреугольный валик или уступ на месте отгиба шейки в тулово. Узоры наносились прочерчиванием или отступанием двузубой палочки; в единичных случаях тонкозубым гребенчатым штампом. Композиционные узоры просты и представляют обычно чередование горизонтальных зигзаговых и прямых линий. Плотная зональность узора, обычно без оставления неорнаментированного пространства, создает впечатление насыщенности и нарядности орнаментальной схемы сосудов. Своеобразие орнамента, несмотря на близкую форму сосудов, позволяет керамике этого типа отличить от боборыкинской. Поэтому, не исключено, что со временем данный тип посуды получит собственный культурный статус и обозначение.

Соотношение различных типов неолитической посуды в выделенных трех основных слоях холма, представленное в таблице, позволяет утверждать, что основным населением, соорудившим холм и жившим на Юрьинском поселении, было кокшаровско-юрьинское. Но на ранних этапах функционирования холма и поселения оно взаимодействовало с кошкинским и близким боборыкинскому, а на более позднем этапе неолита - с полуденским. Находки же в немногочисленных объектах, встреченных в основании холма, прежде всего кошкинский и близкой боборыкинской керамики, а также "утюжков", орнаментированных в традиции кошкинского населения, не исключают вероятность того, что сама идея сооружения насыпных бугров была принесена в лесное Зауралье с более южных регионов, возможно населением праиндоевропейского языкового массива.

1. Старков В.Ф. О так называемых "богатых буграх" в лесном Зауралье // Вестник МГУ. Серия историческая. 1969. № 5; Стоколос В.С. Археологическая разведка Серовского музея // Из истории Урала. Свердловск, 1960.

2. Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С.159-161.

ТАБЛИЦА

Стратиграфия основных слоев Кошаровского холма.

Раскопки 1995 г.

Слой	верхний		средний		нижний		Всего*
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
Типы керамики							
средневековая	3	27,3	-	-	1	9,1	11
энеолитическая	49	22,5	76	34,7	8	3,7	218
полуденская	65	23,8	101	37,0	9	3,3	273
кошаровско-юрьинская	153	20,6	306	41,2	58	7,8	742
кошкинская	78	19,8	159	40,4	52	13,2	394
близкая боборыкинской	1	3,0	6	18,2	17	51,5	33

* Подсчет в графе "Всего" ведется с учетом и той керамики, которая была найдена в перекопанных ранее слоях холма. Но сюда не включены сборы с поверхности и находки в засыпке раскопов А.И.Рассадович.

Т.К.ЮТИНА (Ижевск)

**ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ
В ЮЖНОЙ УДМУРТИИ (1974-1997 гг.)**

Удмуртский этнос делится на две большие группы - северную и южную. Южная группа локализуется в междуречье рек Камы и Вятки.

Средневековая история древнего пермского населения Южной Удмуртии не достаточно отражена в научной литературе. Письменных источников по истории народов Приуралья сохранилось немного, в связи с этим вещественные - археологические материалы - становятся единственными доступными источниками исторической информации.

Процесс накопления эмпирического материала был длительным и сложным и включал несколько этапов. [1] В XVIII - XIX вв. шел сбор коллекций, сведений об археологических памятниках Приуралья, проводились небольшие раскопки научными учреждениями, в основном, Москвы и Петербурга, Вятки и Казани. Полученный материал был систематизирован и частично опубликован. В 20-40 гг. XX в. ведущую роль в исследовании уральских народов осуществляли по-прежнему столичные учреждения - ГАИМК, ИИМК, ГИМ и т.д. На территории Южной Удмуртии работала археологическая экспедиция под руководством А.П.Смирнова. [2] Обобщение конкретного материала нашло отражение в публикациях 40-50 гг. В 50-60 гг. центр научных исследований перемещается на Урал. Большая заслуга в подготовке местных научных кадров принадлежит О.Н.Бадеру и В.Ф.Генингу. В 60-70 гг. к исследованиям в Приуралье и Южной Удмуртии подключается Удмуртская археологическая экспедиция, созданная в 1954 г. В.Ф.Генингом. [3]

С 1973 г. исследования в Южной Удмуртии начала Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского университета под руководством Р.Д.Голдиной. С 1973 по 1997 г. было организовано около 35 разведочных маршрутов, открыто около 100 новых памятников, обследованы ранее известные, проведены раскопки наиболее значимых объектов. Целенаправленное стационарное исследование памятников Южной Удмуртии Камско-Вятской экспедицией позволило значительно расширить круг данных и получить качественно новую информацию о древнейших обитателях Камско-Вятского региона.